

Теоретические проблемы

© 2002 г.

А.А. ТЕМКИНА, А. РОТКИРХ

СОВЕТСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ КОНТРАКТЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ТЕМКИНА Анна Андриановна - доктор философии (Университет Хельсинки), доцент Европейского Университета (Санкт-Петербург). РОТКИРХ Анна - доктор философии (Университет Хельсинки).

Гендерный контракт: к определению понятия

Понятие гендерного контракта разрабатывалось в 90-е годы скандинавскими феминистскими исследователями для описания доминантных типов отношений между полами и их динамики. Контракт описывается как правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства и взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами, в т.ч. принадлежащими к разным поколениям [1, р. 14]. Под воспроизводством понимаются действия и оценки, поведения и чувства, обязанности и отношения, связанные с постоянным повседневным поддержанием жизни [2, р. 382]. Воспроизводство рассматривается как социально стратифицированное, оно создает и поддерживает иерархические отношения между социальными слоями, полами, поколениями.

Гендерный контракт включает институциональное обеспечение, практики и символические репрезентации гендерных отношений, ролей и идентичностей в конкретных культурно-исторических контекстах; в него также включаются социальная регуляция и репрезентация сексуальности. В современном обществе гендерные контракты зависят от разделения труда в публичной и приватной сфере. В соответствии с гендерным контрактом определяется, в частности, кто и за счет каких ресурсов осуществляет организацию домашнего хозяйства и уход за детьми в семье и за ее пределами: неработающая мать, поддерживаемая мужем; наемные работники, оплачиваемые из зарплаты обоих супругов; родственники, государство.

Английская исследовательница Р. Кромптон описывает пять моделей гендерного разделения труда в континууме традиционных - менее традиционных гендерных отношений. Под разделением труда понимается соотношение оплачиваемой работы и заботы (caring work), т.е. деятельности в сфере воспроизводства. Первая модель - мужчина-добытчик, женщина-домохозяйка - представляет нормативные условия женской субординации, характерные для традиционной гендерной культуры. Вторая модель - двухкарьерная семья: женщина работает неполный день и неполный день обслуживает домохозяйство - описывает ситуацию, при которой женщина совмещает частичную занятость в публичной сфере с традиционной ответственностью в приватной. Когда женщина включается в полную занятость на рынке труда и формируется равноправная двухкарьерная семья (третья модель - государство берет на себя

функцию заботы и четвертая модель - двухкарьерная семья: забота и обслуживание в домохозяйстве осуществляются через рыночные механизмы), происходят существенные изменения в гендерном порядке. Наименее традиционной является пятая модель, при которой женщина и мужчина принимают равное участие в оплачиваемой и домашней работе [3].

Изменения гендерных отношений в 60-е годы XX в. в США и Западной Европе описываются исследователями как трансформация доминирующих контрактов: переход от доминирующего в 50-х годах *контракта домашней хозяйки (и мужчины-кормильца)* к *контракту равенства полов (двух кормильцев)* при усилении роли государства в конце 60-х в Швеции [4]; переход от контракта *социального материнства женщин (women's social maternity)*, в соответствии с которым от женщины ожидалось выполнение в первую очередь традиционных ролей в частной сфере и за ее пределами - к контракту *материнства, совмещенного с оплачиваемой работой (wage working maternity)* в Финляндии [1, p. 13]. В США и Великобритании в 70-е годы распространение получила модель *двухкарьерная семья - рыночные механизмы воспроизводства*, которая также способствовала уменьшению гендерного неравенства [3]. Изменения гендерных контрактов были обусловлены трансформациями, произошедшими в обществе позднего модерна. Становление государства благосостояния, общества массового потребления, развитие нового женского движения и дебаты в политических партиях проблематизировали вопросы сексуальности, пола, возраста и традиционный гендерный порядок в целом, а затем повлияли на его радикальное изменение [5]. В 50-е годы увеличилось количество женщин, занятых в сфере оплачиваемого труда, усилилась социальная политика, в 60-е годы гендерные роли стали предметом общественной заботы. В 70-х годах были изменены налоговые системы и законодательство, касающееся ответственности за детей, создавались детские учреждения и дома для престарелых, модернизировалось домохозяйство, развивалась система питания за пределами дома и т.п. Новая интерпретация гендерных ролей в рамках контракта равенства в Скандинавии была закреплена политикой *государственного феминизма*, т.е. политикой равенства в отношении женщин, осуществляемой государством, постоянно копирующим женщин и женские вопросы в политике [6].

Термин *"гендерный контракт"* проблематизирован феминистскими критиками теорий общественного договора. Как указывает К. Пэйтман, современное (западное) гражданское общество, конституируемое общественным договором, неизбежно является патриархальным. Это *договор (мужского) братства*, или мужского порядка, в котором преодолена иерархия поколений (*отец - сын*) и все граждане получают равные права [7]. Однако правила либерального общественного договора обеспечивают и обеспечиваются вторичным статусом женщин. Отношения в браке, распределение обязанностей в семье, разделение труда в публичной и частной сфере предстают как добровольный общественный контракт равноправных агентов, но имплицитно эти договоры всегда основываются на *естественных* предписаниях пола, создающих системы иерархий и неравенства. Учитывая данную критику, мы рассматриваем гендерный контракт не как взаимодействие равноправных партнеров, а как компромисс соглашений между агентами с разными властными позициями в публичной и частной сферах. Гендерная политика, идеология и институты поддерживают отношения власти между агентами и задают рамку гендерной стратификации, однако внутри этой рамки конкретные правила, ответственность и права полов являются следствием "переговоров" и "соглашений", предполагающих как воспроизводство правил, так и возможность их изменения. В конкретных исторических контекстах сосуществуют разные гендерные контракты, совокупность которых образует гендерную систему.

Под *гендерной системой* понимается многоуровневый феномен, включающий институты и социальные взаимодействия, которые предписывают образцы поведения мужчинам и женщинам. Гендерная система представляет собой институционализованные предписания, определяющие модели поведения и социального взаимодействия

в соответствии с полом. Она включает три взаимосвязанных компонента: социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; половое разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам предписываются разные роли; социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуального поведения и негативно - другие [8, р. 2, 16]. Шведская исследовательница И. Хирдман определяет гендерную систему как совокупность *гендерных контрактов*, регулирующих отношения между мужчинами и женщинами на уровне представлений, а также формальных и неформальных правил и норм [4, р. 190-191]. Понятие *гендерной системы* связано со структурным уровнем анализа гендерных отношений. Впервые определение пологендерной системе было дано в середине 70-х годов феминистским антропологом Г. Рубин - "набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности" [9, с. 91]. Впоследствии понятие *пологендерная система* было расширено и уточнено, гендерные отношения в настоящее время рассматриваются большинством исследователей не только на макро-, но и на микроуровне, не только на уровне структур, но и на уровнях действия, идеологии, символизма [8; 10]. Именно в таком смысле мы использовали этот термин в ранней версии статьи. В настоящее время, однако, мы отдаем предпочтение более гибкому концепту *гендерного порядка* [11; 12].

Гендерный порядок, т.е. исторически заданные образцы властных отношений между мужчинами и женщинами [11, р. 98-99], складывается в определенных обществах на институциональном, идеологическом, символическом и повседневном уровнях. В рамках установившегося гендерного порядка существует доминантный гендерный контракт, который определяет положение женщин в системах производства и воспроизводства; в условиях социальных изменений на гегемонию могут претендовать разные контракты. Конкретные гендерные практики складываются в относительно автономных сферах жизни (в частной - домохозяйство и сфере интимности-сексуальности и в публичной).

Гендерные контракты в России: аналитическая модель

Итак, гендерный контракт - это контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов. Гендерный порядок мы рассматриваем как совокупность гендерных контрактов, предписывающих различные гендерные роли и статусы разным сферам общественной жизни в советское время и разным социальным слоям в постсоветский период. Советский гендерный порядок характеризовался монопольной ролью партии-государства в его формировании, устойчивостью и гомогенностью гендерной идеологии и гендерных ролей, постоянно воспроизводимым разрывом между официальной идеологией и практиками повседневности. Учитывая роль государства в формировании гендерных отношений, можно назвать гендерный порядок *этакратическим* [13]. Идеология, институты и практики советского *гендерного порядка* и основной гендерный контракт, который мы назвали контрактом *"работающая мать"*, сложились в 30-е годы XX в. [см. 10; 13; 14; 15]. Постреволюционные попытки решения *"женского вопроса"* путем вовлечения женщин в общественное производство, предопределения роли домашнего хозяйства, трансформации институтов брака и материнства привели к разрушению традиционной патриархальной семьи. Советская женщина работала полный рабочий день, осуществляла воспитание детей, частично разделяя его с государственными институтами и родственниками (иногда и с наемными работниками), и организацию быта. Иногда такая модель называется *"тройной нагрузкой"* (ср.: вторая и третья модель гендерных отношений, описанные Р. Кромптон).

В рамках советского гендерного порядка, с одной стороны, декларировалось равенство, при котором каждый человек, независимо от пола, становится гражданином. С другой стороны, гендерная идеология воспроизводила биологический детерминизм,

который наделял женственность "специфическими" естественными, физическими и психологическими свойствами [10], а женщин - статусом особых граждан. Гендерный порядок такого типа получил название *конвенционального* с учетом, что наблюдались сохранение одних традиций (ценности материнства, разделения обязанностей внутри семьи) и разрушение других (экономической зависимости женщины от мужа) [16, р. 130-133]. Итак, государство поддерживало особую роль женщины, задавая рамки доминирующего гендерного контракта¹.

Основные свойства гендерного порядка и доминирование контракта "*работающая мать*" сохранялись на протяжении всего советского времени. Вместе с тем гендерная идеология менялась на разных этапах социалистического общества. В 60-е -70-е годы ограниченная либерализация общества и приватизация частной жизни постепенно приводили к ослаблению официальной гендерной идеологии и появлению альтернативных интерпретаций женственности и мужественности [13]. Еще одной особенностью советского гендерного порядка является постоянное воспроизводство разрыва между официальной идеологией и практиками повседневности [17]. На протяжении всего советского времени существовали гендерные роли и практики, не совпадающие с официальными предписаниями, однако начиная с 70-х годов разрыв повседневности и идеологии приобрел систематический и повсеместный характер. Советский гендерный порядок может быть представлен как совокупность трех различных контрактов, дополняющих друг друга: официальный контракт *работающей матери* существовал совместно с повседневным и нелегитимным контрактами².

Официальный контракт формировался и поддерживался государственной политикой, идеологией и социальными институтами, обеспечивающими совмещение ролей работающей матери. *Контракт в повседневной сфере жизни* находился за пределами государственного регулирования и выполнял, во-первых, функцию приспособления к повседневности. На женщину возлагалась ответственность за воспитание детей, уход за пожилыми, бытовое обслуживание семьи, компенсирующее недостатки социального сервиса и дефицита. Во-вторых, правила повседневного контракта складывались как непреднамеренные последствия официального контракта, например, распространение практик одинокого и внебрачного материнства. В-третьих, существовали практики, не регулируемые официальной политикой - например, добрая сексуальность совершеннолетних. Одновременно в обществе существовал *нелегитимный* контракт, правила которого имели альтернативный характер и к которому применялись общественные санкции вплоть до уголовного наказания³.

Изменения постсоветского общества с конца 80-х годов повлекли за собой и трансформацию гендерных отношений: государство утрачивает роль монопольного агента формирующего гендерный контракт, частично разрушается система социальной и идеологической поддержки материнства. Рыночные механизмы и либеральная общественная сфера способствуют дифференциации гендерных норм и практик в разных социальных слоях, формированию новых, в том числе противоречащих друг другу гендерных идеологий и интерпретаций женственности и мужественности. Реконфигурация официальных, повседневных и нелегитимных правил советского времени приводит к формированию новых гендерных контрактов с разными правилами, практиками и идеологиями.

Трансформации гендерных отношений по-разному оцениваются современными исследователями. Некоторые феминистские авторы использовали термин "патриархатный ренессанс", обозначая то, что в современной России мужчины занимают доминирующие позиции в общественной жизни, а женщины "выталкиваются" в сферу частного [18]. Английская исследовательница П. Уотсон суммировала такие взгляды следующим образом: "Создание гражданского общества и рыночной экономики в Восточной Европе влечет за собой построение "мира мужчин" и доминирование мужественности в общественной жизни. Принуждение женщин вернуться к домашней жизни, коммерциализация женственности, принижение женской идентичности - неизбежные составляющие данного процесса" [19, р. 472]. Во второй половине

90-х годов многие авторы стали осторожнее высказываться о направленности трансформаций гендерного порядка [см., напр., 16; 20], подчеркивая противоречивость эгалитарных и патриархатных тенденций [13]. Традиционные представления о женской роли в семье и обществе оцениваются не столько как *патриархальный синдром*, сколько как стратегии совладания с ситуацией [21, р. 480]. В период трансформаций формируются новые контракты *работающей матери, женщины, ориентированной на карьеру, домохозяйки (и мужчины кормильца) и спонсорский контракт*. Несмотря на структурные изменения и возникновение новых практик, практики, правила и нормы, восходящие к советским гендерным контрактам, сохраняют свою устойчивость (что подтверждается, в частности, статистикой занятости [22]).

Мы предполагаем, что основной контракт позднесоветского времени в силу гомогенности государственной политики распространялся на все население, а в постсоветское время именно контракты благополучного среднего класса претендуют на практическое и / или символическое *доминирование*⁴.

Советский гендерный порядок: официальные, повседневные и нелегитимные контракты

Официальный гендерный контракт: работающая мать. Данный контракт включает мобилизованный государством труд женщин и материнство как гражданские обязанности. Его историческая конструкция и воспроизводство проанализированы исследователями [см.: 10; 13; 14; 15; 23]. Официальный контракт имел внутренние противоречия и напряжения, однако гендерная и семейная политика, формирующая данный контракт, в целом распространялась на подавляющее большинство советских граждан(ок). В соответствии с правилами и нормами советского общества от женщин ожидалось сочетание производственной деятельности с материнством и заботой о семье.

Из интервью: *"Женщина должна приносить зарплату больше чем муж, все в доме делать вплоть до ремонта, детей родить, воспитать между своей активной общественной деятельностью и потом еще - мужу рубашки, брюки гладить"* (50 лет, высшее гуманитарное образование, менеджер в финансовой сфере, двое детей). Материнство воспринимается как *гражданская обязанность*: *"Воспитание детей - это очень большая работа для общества... Это звучит громко, но в какой-то степени я это воспринимала как свой гражданский долг"* (60 лет, преподаватель, мать четверых детей).

Модель семьи была конституирована государством, которое регулировало жизненные условия, миграцию и профессиональную мобильность, а также несло ответственность за социальное обеспечение и поддержку материнства. Контракт *работающей матери* был основан на государственной помощи в воспитании детей: предоставлении декретных и послеродовых отпусков, отпусков по уходу за ребенком, льготы работающим матерям, бесплатном здравоохранении и системе детских учреждений (яслей и детских садов). Официальный контракт не был монолитным, хотя абсолютное большинство женщин было ориентировано на материнство и на занятия профессиональной деятельностью, согласно закону и экономической необходимости. Женщины, состоящие в браке и имеющие детей, в отличие от мужчин, имели легальное право не работать. В некоторых социальных слоях профессиональная занятость женщин была скорее исключением, чем правилом, в частности в *номенклатурных* семьях и в семьях военнослужащих (о стратификационных гендерных различиях см.: [24; 25, с. 9-12]). Таким образом, в рамках официального контракта допускалось традиционное женское поведение, поддерживаемое идеологией женского предназначения.

Вместе с тем, советской нормой считалась женская занятость в общественной сфере. Из интервью: *"Когда мне было 25 лет, то вот у нашего приятеля жена не*

работала, совершенно здоровая и сидела дома с детьми, и мы все про нее думали, что она сумасшедшая: как это - не работает?... Наша женщина не рождена домохозяйкой, это очень тяжело... работать гораздо легче" (35 лет, домохозяйка, инженер по образованию). В рамках контракта *работающая мать* натурализация женских ролей сводилась к материнскому предназначению, сексуальность и телесность оставались за пределами официальной политики и репрезентации, за исключением запретов и обвинений. В биографиях о сексуальности женщины рассказывают о репродуктивных практиках: беременностях, абортах, родах. Бездетная женщина считает, "что я не выполнила главного предназначения женщины - не родила ребенка" (57 лет, высшее гуманитарное образование) [26].

Игорь Кон назвал политику такого рода *бесполом сексизмом*: мужчины и женщины трактовались как *одинаковые*, несмотря на явное различие формальных и неформальных правил, обеспечивающих реализацию женских и мужских ролей [27]. Традиционные роли и гендерная индивидуализация могли восприниматься как форма личного самовыражения и пассивного сопротивления массовой культуре [28, с. 98-100].

Гендерный контракт в повседневной жизни (теневой контракт). Повседневный гендерный контракт включает те правила, практики и нормы, которые не подлежали прямому государственному регулированию, напротив, складывались как реакция на ригидность официальных институтов. Под повседневностью - сферой реализации данного контракта - мы понимаем действия, оценки, поведение, отношения, которые постоянно поддерживаются рутинным образом и характеризуются практическим, редко артикулируемым знанием. Этот контракт мы также называли теньвым - промежуточный вариант между тем, что "написано на лозунгах", и тем, за что "сажают в тюрьму", дополняющий как официальный, так и альтернативный контракты [29]. Данная метафора позволяет подчеркнуть неизбежное наличие "*тени*" у работающей матери, а также связь с частично скрытыми, не запрещенными и не разрешенными гендерными идентичностями и нормами поведения. Они были скрыты от репрезентаций или появлялись в недоминирующих дискурсах позднесоветского времени (кино, художественная литература).

Стабилизации данного контракта способствовали тенденции приватизации и автономизации семьи, возрастания роли социальных сетей в позднесоветский период. Одним из следствий государственной политики усиления и помощи семье, улучшения условий жизни, в том числе жилищных, стала ее автономизация на уровне повседневности [13; 14]. Семья и дружеские сети воспринимались как сфера безопасности и сохранения ценностей и норм, не всегда соответствующих официальным. В повседневной сфере социального воспроизводства от женщин ожидалось выполнение традиционных ролей заботы, обслуживания, реального и символического материнства, а также осуществление действий, компенсирующих неразвитость государственного сервиса в сфере социальных сетей (доставания и блага, см. [30]). Выполнение данных ролей требовало мобилизации гендерных ресурсов, в первую очередь, компенсирующих недостатки государственного обслуживания. Стратегии выживания и сопротивления усиливали "традиционные" гендерные роли и разделение труда между полами и поколениями, мужественность и женственность становились культурным ресурсом. [16; 31].

В условиях ограниченного социального обслуживания организации быта способствовала "внутрисемейная специализация": "*Муж помогал много, допустим, ремонт делал, мужскую работу: сломалась розетка, он четко все сделает, лампа там какая-то... он много уделял этому внимания*" (главный врач, 50 лет, один ребенок). Гендерный контракт, целью которого было обеспечение семьи и быта в рамках компромисса с государством, включал мобилизацию ресурсов социальных сетей, в том числе "расширенного материнства", и индивидуальных ресурсов в публичной и приватной сферах. В качестве агентов контракта выступали социальные сети, друзья, родственники (бабушки в первую очередь). Использовалась и помощь наемных

работников: *"Поначалу даже была возможность незадорого няню иметь, и я их (детей) никогда не отдавала в ясли, пожилые женщины охотно подрабатывали к пенсии добавку, жила я рядом с работой, по магазинам бегала сама"* (60 лет, преподаватель, мать четверых детей).

Организация домохозяйства и использование сетевых ресурсов усиливали традиционные гендерные идентичности. Правила повседневности предполагали и то, что женщина "приватизирует" профессиональную занятость, используя ее как ресурс решения домашних проблем. Многие женщины, работая, фактически имели фиктивные обязанности, которые позволяли им в рабочее время делать покупки и заниматься домашними делами, а также часто пропускать работу, оставаясь с большими детьми.

Индивидуальные усилия (в первую очередь женщин) по организации домохозяйства выступали еще одним ресурсом выживания. Для организации домохозяйства в советских условиях требовался творческий, организаторский и коммуникационный опыт и компетентность. Наши информантки приводят многочисленные примеры организации позднесоветской повседневности, типичными образцами которой являются очереди за продуктами и "доставание" дефицитных товаров "по знакомству" и "по блату". Умение организовать повседневную жизнь (доставать продукты, обеспечить семью питанием, одеждой, устроить ребенка в детский сад и в хорошую школу, пожилых родственников - к хорошему врачу, организовать прием гостей и пр.) являлось важным подтверждением социальной компетентности *женщины-хозяйки*. Положение женщины делало ее ответственной, сильной и способной к управлению другими, находящимися в зависимости от женской заботы. Такие качества требовались от женщин всех социальных слоев.

Из интервью: *"поддержку любого рода реформы так называемой демократии, чтобы не нужно было стоять в очередях"* (65 лет, инженер, в настоящее время на пенсии). В то же время для этих женщин навыки ведения домохозяйства и использование отношений блата-знакомств оказались важнейшим гендерным ресурсом в условиях экономических трансформаций.

Еще одним результатом, который достигался через систему *блата-доставания*, было формирование внешнего облика женщины. Идея *выглядеть женственной* появляется в официальном дискурсе с 30-х годов, эта идея широко распространяется в 70-е годы; в советском кинематографе и литературных произведениях становится популярной *романтизированная женственность*. Романтизм становится одним из базовых культурных дискурсов, влюбленная, страдающая и жертвующая собой женщина выступает в качестве героини позднесоветского времени. Нарративы о сексуальной жизни становятся рассказами о любви и дружбе, которые поддерживаются официальными идеями о любви как основе брака, но одновременно приходят в противоречие с репрессиями сексуальности. В то же время в официальной интерпретации женственности подчеркивались умеренность, скромность. Репрезентация женственности с оттенком сексуальности превращалась в своего рода индивидуальное сопротивление.

Нелегитимные контракты. Под нелегитимным (альтернативным) контрактом мы подразумеваем те гендерные нормы и практики, которые подвергались репрессиям, были скрытыми и/или криминальными. Сексуальность, и, в особенности, *сексуальные отклонения* составляли центральный компонент нелегитимного контракта. Его альтернативность проявлялась в запрещенных и/или закрытых сообществах заключенных, проституток, гомосексуалистов, а также в порнографии, изнасилованиях. Само существование этих явлений отрицалось, они криминализировались и/или медиализировались, их обсуждение происходило только в профессиональных дискурсах или в виде критики проблем (пережитков, тлетворного влияния) капиталистической системы. В повседневной жизни нелегитимный контракт касался всякой неконтролируемой сексуальной жизни, не связанной с воспроизводством. Добрачные и внебрачные

сексуальные связи, сексуальные отношения на отдыхе и в командировках, получившие широкое распространение в позднесоветское время, балансировали между теневыми и нелегитимными правилами гендерного поведения [16; 26]. О позднесоветских образцах сексуального поведения рассказывает женщина с высшим гуманитарным образованием (39 лет): *"Я могла склеить на улице - не знаю, что от меня такое исходило, тут же партнера, и тут же улечься с ним в постель... У меня каждый день был новый или два раза в день новый"*. Такие рассказы достаточно характерны для представителей этого поколения.

Наиболее яркими формами нелегитимных контрактов являлись гомосексуализм и проституция. В 1936 г. мужской гомосексуализм был запрещен и согласно статье 121 Уголовного кодекса Российской Федерации наказывался лишением свободы сроком до пяти лет. Лесбиянство и бисексуализм уголовному преследованию не подлежали, поскольку считались в СССР несуществующими, они находились за пределами публично выражаемых символических форм советской эпохи, за исключением частушек и анекдотов. Только с наступлением периода перестройки стало возможным публично рассказывать о подобном опыте. При этом женственность лесбиянок в тюрьмах и психиатрических больницах [32, р. 148-151] сильно отличалась от женственности *счастливой советской матери*. О существовании проституции, напротив, было хорошо известно, хотя официально она не признавалась до середины 80-х годов. С 30-х годов не имелось официальных данных о проституции, утверждалось, что в Советском Союзе проституция ликвидирована как социальный феномен, хотя, как утверждали в 60-е годы юристы, отдельные особы вступают в половую связь за плату [33]. После наступления гласности образ проститутки становится распространенным и популярным. Кинофильм *"Интердевочка"* в начале перестройки рассказал историю валютной проститутки 80-х годов, обаятельной, богатой, реализовавшей позднесоветскую мечту отъезда на Запад. Сексуализированная женственность и потребительское поведение проститутки демонстрировали образцы гендерных норм, противоположных официальным.

Гендерные контракты постсоветского периода

Начиная с конца 80-х годов происходит реконфигурация официальных, повседневных и нелегитимных правил советского времени. Несмотря на структурные изменения и возникновение новых практик, более устойчивыми оказываются правила организации жизни, восходящие к советским гендерным контрактам. На символическую доминацию претендуют те роли, которые были ранее "скрыты" в повседневных и нелегитимных контрактах. Ценности и стили жизни *западного типа* воспринимаются в большей степени, если они соответствуют идеалам позднесоветского времени. В частности, *женщина цивилизованного (западного) мира* предстает в качестве (буржуазной) домохозяйки, которую обеспечивает муж. Этот образ коррелирует с советскими ценностями семьи-дома, потребительскими образцами, стабильностью и с ностальгией по *настоящим мужчинам*. Напротив, контракт *гендерного равенства* и образ феминистки получают в основном негативные коннотации с последствиями *эмансипации* советского времени.

Официальный контракт *работающей матери* стал основанием для формирования контрактов *работающей матери, карьерно-ориентированной (профессиональной) женщины и (матери-)домохозяйки*⁵. Правила повседневного (теневого) контракта, охватывающие неформальные социальные сети и потребление, артикулируются во всех новых контрактах. Сексуальность, ранее ограниченная закрытыми сообществами, становится важнейшим компонентом формирующихся контрактов.

Обязанность участвовать в общественном производстве сменилась экономической необходимостью обеспечения семьи, которая потребовала от женщины активизации роли работницы как в случае *одинокого материнства*, так и в случае семьи,

состоящей из *двух кормильцев*. Контракт включает материнство, но акцент делается на работе (заработке). Ослабление государственной поддержки материнства (в том числе детских учреждений) привело к мобилизации социальных сетей и родственников, обслуживающих домохозяйство и осуществляющих уход за детьми в то время, когда женщина ищет разнообразные источники заработков с целью поддержки семьи. Контракт *работающей матери* остается контрактом, *заключенным* внутри расширенной семьи и социальных сетей. Мужчина в таких контрактах часто маргинализируется (как это показала, например, Ярошенко в исследовании бедных семей [34]). Другим вариантом трансформации роли работника является контракт *профессиональной женщины*, в таком случае ответственность женщины за обслуживание семьи не препятствует карьере. Организация домохозяйства и воспитания детей становится предметом переговоров с родственниками и наемными работниками (преимущественно с женщинами), а также включает использование платных институтов здравоохранения и образования. При этом ответственность за организацию домохозяйства остается женской обязанностью.

Третий вариант реконфигурации контракта *работающей матери* — превращение его в контракт *домохозяйки*, обеспечиваемой мужем, выполняющим роль кормильца. Обслуживание, материнство и забота формируют ядро женской идентичности. Кроме того, в это ядро включается *сексуальная привлекательность*, которая ранее в значительной степени находилась в сферах теневого и нелегитимных контрактов. Бывшие нелегитимные контракты становятся легитимными, хотя и морально не одобряемыми. Проституция, порнография и гомосексуализм получают репрезентацию в публичном дискурсе. Рыночные механизмы превратили сексуальность и потребление в предмет торга и обмена, что находит выражение в *спонсорском контракте*. Предыдущий и этот последний контракты предполагают, что мужчина становится доминирующим агентом, располагая властными и материальными ресурсами поддержки материнства/женской сексуальной привлекательности. В первых же двух контрактах основными агентами являются женщины-матери, родственники, социальные сети и наемные работники, и только иногда - мужчины.

Анализ данных тенденций позволяет проследить основные изменения советского контракта *работающей мать*, а также возникновение новых прототипов контрактов, характерных для семей среднего и высшего класса. При этом доминирующим постсоветским контрактом остается *работающая мать*, зарабатывающая деньги для семьи. В некоторых случаях этот контракт трансформируется в *женщину-профессионала*, в других случаях (в депривированных группах по возрасту, наличию большого числа детей, состоянию здоровья, месту проживания и пр.) сохраняются пассивные стратегии приспособления к рыночным условиям. При наличии работающего мужа безработная женщина вынуждена становиться домохозяйкой. Второй и третий случаи представляют варианты трансформации *работающей матери* в контракты *женщины-профессионала* и *домохозяйки*, соответственно. Наконец, мы описываем еще один случай - *спонсорский контракт*, в котором артикулируются идеалы теневого и альтернативного контрактов. Женщина находится на содержании мужчины ("спонсируется"), исполняет только сексуальную роль, имеет сексуальный образ и ориентируется на ценности потребления. Этот образ во многом является противоположностью советскому идеалу: для женской идентичности здесь не значимы ни работа, ни материнство. Отметим, что данные контракты демонстрируют преемственность и разрывы гендерного порядка, однако не исчерпывают все варианты изменений.

Таким образом, современные изменения гендерных отношений не являются следствием целенаправленной гендерной политики государства и политических дебатов, напротив, они являются результатом стихийной адаптации к изменяющимся экономическим условиям и выработки стратегий разными группами. В доминирующем контракте сохраняются основные гендерные роли, однако меняется их соотношение в сторону

работающей матери. На основе ранее существовавших, но неартикулированных, или частично артикулированных правил и образцов поведения, появились новые прототипы контрактов: *карьерно-ориентированной женщины, матери-домохозяйки и женщины на содержании.* Теневые образцы потребления и либеральной сексуальности сформировали идеологию домохозяйки, а также ее более современную версию спонсируемой женщины. Описанные нами гендерные контракты не являются жестко фиксированными или исключают друг друга. Можно предположить, что контракт **работающая мать** стабилизируется в семьях с низким доходом, в таких семьях происходит маргинализация мужчин, неспособных обеспечивать семью. В высших классах чаще встречается контракт *жены-домохозяйки и мужа-кормильца*, хотя он тоже распространен в некоторых рабочих средах, в этом случае контракт переопределяется как **работающая мать** или *домохозяйка*. Успешная в профессии женщина с позиции **работающей матери** может перейти на позицию *карьерно ориентированной женщины*, для которой на первом плане оказываются интересы профессиональной самореализации.

Гендерный порядок в современной России имеет высокую степень преемственности по отношению к советскому. Вместе с тем анализ преобразований гендерных контрактов подтверждает ранее высказанный нами и многими другими авторами тезис о том, что конкуренция старого и нового гендерных порядков создает ситуацию неопределенности и многовариантности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rantalaiho L., Sukupuolisopimus ja Suomen malli // Naisten hyvinvointivallion / Ed. dy A. Anttonen, L. Henriksson, R. Natkin. Tampere: Vastapaino. 1994. P. 9-30.*
2. *Laslett B., Brenner J. Gender and Social Reproduction: Historical Perspective // Annual Review of Sociology. 1989. V. 15. P. 381-404.*
3. *Crompton R. Discussion and Conclusions // Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner / Ed. by R. Crompton. Oxford and NY: Oxford University Press. 1999. P. 200-214.*
4. *Hirdman H. The Gender System // Moving on / Ed. by Andreassen et al. Aarhus: Aarhus University Press. 1991. P. 187-207.*
5. *Lennerhed L. Frihet att njuta. Sexualdebatten i Sverige 1960-later. WSOY, Fenland: Norstedts, 1994.*
6. *Gelb J. Feminism and Politics. A Comparative Perspective. University of California Press, 1989.*
7. *Pateman C. 1998. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press.*
8. *Renzetti C., Currand D. Women, Men and Society. Boston: Allyn Bacon. 1992.*
9. *Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о "политической экономии" пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб.: Д. Буланин. 2000. С. 89-139.*
10. *Liljestrom M. The Soviet Gender System: The Ideological Construction of Femininity and Masculinity in the 70's // Gender Restructur in Russian Studies / Ed. by M. Liljestrom, E. Mantysaari & A. Rosenholm. Tampere: Slavica Tamperensia II. 1993. P. 163-174; Liljeslrom M. Emanciperode till underordning. Del Sovjetiska köns-systements uppkomst och diskursiva reproduktion. Turku: Abo Akademi University Press. 1995.*
11. *Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics. Polity Press. 1987.*
12. *Коннелл З. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: Буланин. 2000.*
13. *Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история - 2002. Специальный выпуск, посвященный гендерной истории / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: РОССПЭН, 2002.*
14. *Lapidus G. Sexual Equality in Soviet Policy: A Developmental Perspective // Women in Russian // Ed. By D. Atkinson, A. Dallin and G. Lapidus. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press. 1977. P. 115-138; Lapidus G. Women in Soviet Society. Equality, Development. Social Change. Berkley. Los Angeles. 1978.*
15. *Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. РИК Русанова. 1998.*
16. *Rotkirch A. The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. University of Helsinki, Department of Social Policy. Research report 1/2000.*
17. *Левада Ю. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан. 1993.*
18. *Attwood L. The Post-Soviet Women in the Move to the Market // Marsh R. (cd) Women in Russia and the Ukraine. Cambridge. 1996; Perestroika and Soviet Women / Buckley M. (cd). Cambridge. 1996.*

19. *Watson P.* Eastern Europe Silent Revolution: Gender // *Sociology*. 1993. V. 27. № 3. P. 471-487.
20. *Holmgren B.* Bug Inspectors and Beauty Queens: The Problems of Translating Feminism into Russian // *Postcommunism and the Body Politics* / Ed. by Berry E. N.Y. - L.: NY University Press. 1995. P. 15-31; *Pilkington H.* Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia. L.: Routledge. 1996.
21. *Зоравамыслова О.* Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин // *Гендерный калейдоскоп. Курс лекций* / Под ред. М. Малышевой. М.: Academia. 2001. С. 473-489.
22. Женщины и мужчины России. М.: Госкомстат. 1999.
23. *Айвазова С.* Контракт "работающей матери": советский вариант // *Гендерный калейдоскоп. Курс лекций*. Под ред. М. Малышевой. М.: Academia. 2001. С. 291-310.
24. *Чуйкина С.* "Быт неотделим от политики": официальные и неофициальные формы "половой" морали в советском обществе 1930-1980-х годов // *В поисках сексуальности*. СПб.: Д. Буланин. 2002.
25. *Семенова В.* Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // *Судьбы людей. Россия XX век*. М.: ИС РАН. 1996. С. 326-355.
26. *Темкина А.* Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: Опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // *Гендерные тетради*. Вып. 2. СПб.: ИС РАН. 1999. С. 20-55.
27. *Кон И.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И. 1996.
28. *Azhgikhina N., Goscilo H.* Gelling under Their Skin: The Beauty Salon in Russian Women's Lives // *Russia Women's Culture* / Ed. by H. Goscilo, B. Holmgren. 1996. P. 94-121.
29. *Тартаковская И.* Социология пола и семьи. Самара: Международный институт "Открытое общество". 1997. С. 55.
30. *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge University Press. 1998.
31. *Watson P.* Civil society and the Politics of Difference in Eastern Europe // *Transition, Environments, Translations. Feminism in International Politics* / Ed. by J.W. Scott, C. Kaplan, D. Keates. London: Routledge. 1997. P. 21-29.
32. *Zhuk O.* The Lesbian Subculture: The Historical Roots of Lesbianism in the Former USSR // *Women in Russia* /Ed. by A. Posadskaia. London: Verso. 1994. P. 146-153.
33. *Гилинский Я.* Проституция как она есть // *Проституция и преступность*. М.: Юридическая литература. 1991; *Голосенко И., Голод С.* Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис. 1998.
34. *Ярошенко С.* Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся // *В поисках сексуальности*. СПб.: Д. Буланин. 2002.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В описании контрактов мы обращаемся преимущественно к статусу женщин и лишь в незначительной степени - к статусу мужчин и интерпретациям мужественности. Причина этого заключается в том, что *гендерный контракт* описывает правила, которые регулируют роли женщин, касающиеся, в первую очередь, воспроизводства, исключая (или включая) их из публичной сферы и возлагая на них ответственность в приватной. Советская гендерная политика была направлена именно на женщин как на особую категорию граждан, гораздо реже как особая категория рассматривались мужчины (*Kukhterin S.* Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia // *Ashwin S., ed.* Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. London; New York: Routledge. 2000. P. 71-89).
- ² И. Тартаковская рассмотрела данную схему контрактов применительно к мужчинам. Официальный контракт мужчины-воина сосуществовал с теневым (например, уклонением от армии) и нелегитимным ("шикарные" мужчины с деньгами неясного происхождения") (Социология пола и семьи. Самара: Международный институт "Открытое общество". 1997. С. 59-61).
- ³ Выделяя данные контракты, мы первоначально исходили из некоторых положений о *тенево* обществе, дополняющем *официальное* и/или противостоящем ему, и опирались на схему, предложенную венгерским исследователем Э. Ханкишем (*Hankiss E.* The "Second Society": Is there an Alternative Social Model Emerging in Contemporary Hungary? // *Social Research*. V. 55, 1988; *Hankiss E.* East European Alternative. Oxford: Clarendon Press. 1990), а также *Т. Шаниным* (Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос. 1999). В своих рассуждениях мы учитываем также обсуждение вопросов публичной и приватной сфер в позднесоциалистическом обществе и выделение особой, опосредующей социальные взаимодействия, квазипубличной сферы, а также анализ разнообразных стратегий приспособления - выживания - сопротивления в повседневности сталинского периода (*Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 1930-е годы: город. М.: РОССПЭН 2001; *Фитцпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России и 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН. 2001).

Цитаты в данной статье приводятся из интервью, полученных в наших исследованиях политического участия женщин, новых профессий, сексуальности; а также из трех интервью, которые были взяты в ходе написания данной статьи.

- ⁵ Эта тенденции подтверждена в исследовании российской семьи: «оба эти персонажа - профессионально - ориентированная женщина и домашняя хозяйка - рождаются из компромиссной фигуры "работающей жены и матери", которая с большим трудом справляется с меняющейся на глазах жизнью» (*Здравомыслова О., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. М.: Эдитория УРСС. 1998. С. 95*).